

«Благословен грядый во имя Господне!»

Из тропаря праздника

Праздники бывают разные. Сейчас мы встречаем праздник Входа Господня в Иерусалим; это один из самых трагических праздников церковного года. Казалось бы – все в нем торжество: Христос вступает в Святой Град; встречают Его ликующие толпы народа, готовые из Него сделать своего политического вождя, ожидающие от Него победы над врагом; разве здесь есть что-то трагическое?

Увы, есть! Потому что все это торжество, все это ликование, все эти надежды построены на недоразумении, на непонимании, и та же самая толпа, которая сегодня кричит: «Осанна Сыну Давиду!», то есть, «Красуйся, Сын Давидов, Царь Израилев», в несколько дней повернется к Нему враждебным, ненавидящим лицом и будет требовать Его распятия.

Что же случилось? Народ Израилев от Него ожидал, что, вступая в Иерусалим, Он возьмет в свои руки власть земную; что Он станет ожидаемым Мессией, Который освободит Израильский народ от врагов, что кончена будет оккупация, что побеждены будут противники, отмщено будет всем.

А вместо этого Христос вступает в Священный Град тихо, восходя к Своей смерти... Народные вожди, которые надеялись на Него, поворачивают весь народ против Него; Он их во всем разочаровал: Он не ожидаемый, Он не тот, на которого надеялись. И Христос идет к смерти...

Но что же остается одним, и что завещает нам Христос Своей смертью?

В течение именно этих дней, говоря народу о том, какова будет их судьба, когда они пройдут мимо Него, не узнав Его, не последовав за Ним, Спаситель Христос говорит: «Се, оставляется дом ваш пуст», – отныне пуст ваш храм, пуст ваш народный дом, опустела душа, опустели надежды, все превратилось в пустыню...

Потому что единственное, что может превратить человеческую пустыню в цветущий сад, единственное, что может дать жизнь тому, что иначе – пепел, единственное, что может сделать человеческое общество полноценным, единственное, что может помочь человеческой жизни стремиться полноводной рекой к своей цели, – это присутствие Живого Бога, дающего вечное содержание всему временному: Того Бога, Который настолько велик, что перед Ним нет ни великого, ни малого, а в каком-то смысле все так значительно – как перед любовью: самые мелкие, незаметные слова так дороги и значительны, а большие события иногда так ничтожны в таинстве любви.

«Оставляется вам дом ваш пуст...» Народ искал земной свободы, земной победы, земной власти; его вожди хотели именно властвовать и побеждать. И что осталось

Слово пастыря

от этого поколения? Что осталось

от Римской империи? Что вообще осталось от всех тех, которые имели в руках власть и думали, что никогда она не отнимется у них? – Ничего. Порой – могилы; чаще – чистое поле... А Христос? Христос никакой силы, никакой власти не проявил. Перед лицом непонимающих Его Он так непонятен: Он все мог, Он мог эту толпу, которая Его так восторженно встречала, собрать воедино, из нее сделать силу, получить политическую власть. Он от этого отказался. Он остался бессильным, беспомощным, уязвимым, кончил как будто побежденным, на кресте, после позорной смерти, среди насмешек тех, могилы которых теперь не сыскать, кости которых, пепел которых давно рассеяны ветром пустыни...

А нам завещал Христос жизнь; Он нас научил тому, что, кроме любви, кроме готовности в своем ближнем видеть самое драгоценное, что есть на земле, – нет ничего. Он нас научил тому, что кроме любви, кроме готовности в своем ближнем видеть самое драгоценное, что есть на земле, – нет ничего. Он нас научил тому, что человеческое достоинство так велико, что Бог может стать Человеком, не унизив Себя. Он нас научил тому, что нет ничтожных людей, тому, что страдание не может разбить человека, если только он умеет любить. Христос научил нас тому, что в ответ на опустошенность жизни можно ответить, отозвавшись только любовью к Богу: «Приди, Господи, и приди скоро!...»

Только Бог может Собой заполнить те глубины человеческие, которые зияют пустотой и которых ничем не заполнишь. Только Бог может создать гармонию в человеческом обществе; только Бог может превратить страшную пустыню в цветущий сад.

И вот сегодня, вспоминая вход Господень в Иерусалим, как страшно видеть, что целый народ встречал Живого Бога, пришедшего только с вестью о любви до конца – и отвернулся от Него, потому что не до любви было, потому что не любви они искали, потому что страшно было так любить, как заповедал Христос, – до готовности жить для любви и умереть от любви. Они предпочли, они хотели, жаждали земного. Осталась пустыня, пуста, ничто...

А те немногие, которые услышали голос Спасителя, которые выбрали любовь и уничиженность, которые захотели любить ценой своей жизни и ценой своей смерти, те получили, по неложному обещанию Христа, жизнь, жизнь с избытком, победную, торжествующую жизнь...

Это – праздник, который мы сейчас вспоминаем, который мы сейчас празднуем; это день страшнейшего недоразумения: одним оставляется дом их пуст, другие входят в дом Божий и становятся сами храмом Святого Духа, домом Жизни. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

Если человек совершил грех, а затем принес искреннее покаяние на исповеди и получил разрешение от священника, то значит ли это, что Господь обязательно простил исповеданный грех? Если тяжесть на сердце остается, может быть, стоит вновь исповедать этот же грех, просить епитимию и т.д.?

Если на человека мучает уже исповеданный грех и ему кажется, что он не прощен, то можно попросить духовника, у которого исповедуетесь, дать за этот грех епитимию. Господь прощает грех при следующих условиях:

- 1) человек осознает свой грех и приносит покаяние,
 - 2) чистосердечно исповедуетесь священнослужителю, стараясь сознательно не утаить ничего,
 - 3) имеет твердое намерение не повторять грех,
 - 4) совершать дела, противоположные этому греху.
- Епитимия – не наказание, а врачевание. Через исполнение епитимии скорее заживает рана души.

Могут ли бесы воздействовать и влиять на живых людей через их умерших родственников?

Бесы не могут влиять на людей через души умерших родственников. Но они могут принимать облик усопших и этим вводить человека в заблуждение. Бесы могут обольщать людей, особенно склонных к оккультизму и ложной мистике, например, через гадание и спиритические сеансы.

Почти год в дополнение к молитвенному правилу по благословению духовного отца читаю Иисусову молитву: 100 утром и 100 вечером. Наш батюшка сам Иисусову молитву не практикует, и не дает большого правила. Мне 100 молитв мало, душа protest еще. С трудом расстаюсь со своим правилом, хочется читать еще и еще. Без благословения уве-

Вопросы священнику

личить не решаюсь. Как быть?

Правило – это число молитв, которое необходимо исполнить; оно внутренне организует человека, пробуждает у него чувство ответственности, но оно вовсе не должно ограничивать собой молитву. Апостол Павел пишет: «Всегда молитесь, за все благодарите». Христи-

анин должен стремиться к тому, чтобы Иисусова молитва стала бы у него постоянной, как бы дыханием его души. Чем чаще и больше будете читать Иисусовых молитв, – тем лучше. При этом старайтесь механически не читать Иисусову молитву, а соединять ум с ее словами. Святые отцы говорили, что сама молитва научит как молиться.

Хотелось бы узнать Ваше мнение по поводу частоты причащения. Когда-то я причащался 4 раза в год, в посты, но в итоге стал стараться чаще, в среднем 8-12. Исповедуюсь чаще, чем причащаюсь. Один батюшка мне сказал: «А для кого служатся Литургии на той же Светлой Седмнице? Чтобы только священник и диакон причастились что ли?» Как почувствовать эту «достаточность»?

Вопрос о частоте причащения Церковь оставила открытым, предоставив это духовным потребностям самого человека и усмотрению духовника. Вопрос о частоте причащения должен решаться строго индивидуально. Уже святой Иоанн Златоуст пишет, что главное – не сколько раз причащаешься, а как причащаешься. Одним из признаков достойного причащения является чувство своего недостойнства и видение своих грехов. На Светлой Седмнице допускается причащаться, как и в другое время. Пост можно сократить до одного дня, а некоторые духовники позволяют воздержаться накануне причащения только от мясной пищи.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

«Покаянием разгоняется облако неведения, покрывающее ум, и снимается покрывало, лежащее на нем. Когда же прояснится ум, тогда познаем и самих себя и состояние свое, каково оно: увидим еще раны и скверны души нашей, и затем начнем не только мудрствовать и говорить смиренно, но станем стыдиться и солнца, и звезд, и всех тварей Божиих, созданных ради нас, стыдиться оттого, что прогневали Бога, создавшего все сие ради нас, и погрешили против Него, преступив не одну, а все заповеди Его» (Прп. Симеон Новый Богослов, X-XI вв.).

«Святой Апостол Иоанн Богослов пришлет: еще речем (в уме своем): греха не имамы ложь есмы, так как и в самом помышлении о неимении греха уже грех есть! А святой Апостол Иаков сказал: много согрешаем все. Святой Апостол Павел говорит: от них же первый есмь аз. Итак, если такие светильники всемирные так каются, то каждый из нас может ли дерзнуть сказать, что у меня нет грехов, за которые бы надо каяться пред Богом?!» (Афонский старец Кирик).

«Нормальный план нашей души.

1) Таинственная, внутренняя, неведомая нам жизнь духа – настоящая гарантия нашего спасения, то, что от св. Крещения, от таинств, от дыхания Духа Святого в нас.

2) Облако псевдо-добродетелей, изуродованных, объединенных, как кислотой, тщеславием: наши будто бы добрые дела, наша будто бы молитва, наша правдивость, прямота; это облако закрывает нам истинную жалкую картину нашей души и мешает покаянию.

3) Тучи действительных грехов, о которых мы не помним, которые себе с легкостью прощаем: ежeminутное осуждение, насмешки, пренебрежение, холодность, злоба.

4) Наконец, подо всем этим – глубокие, старые пласты, сливающиеся с родовыми и общечеловеческими, – основные, глубокие грехи, от которых, как смрадные испарения, поднимаются богохульные мысли, побуждения, всякая нечистота, чудовищные извращения...» (Священник Александр Ельчанинов, 1881-1934).

«Благодати предшествует смирение, а наказанию сомнение» (Прп. Исаак Сирий, VII в.).

«Покаяние тогда только истинно, когда человек, восчувствуя грехи свои, коими прогневал Создателя своего, оставляет греховное действие, сожалеет об оных и раскаивается, и удостоивается прощения благодатию Христовой чрез разрешение священнослужителя Церкви. А когда не оставляет, хоть и кается, то сие не есть покаяние, а даже и опасное, чрезмерное и безрассудное упование на благодать Божию» (Прп. Макарий Оптинский, 1788-1860).

«Прощение преподается только тем, кто считает себя виновным. Смирись пред Богом и людьми, и Господь тебя никогда не оставит» (Прп. Никон Оптинский, 1888-1931).

«Покаяние тогда истинно, когда после него все усиленно будешь стараться уже жить как должно, а без этого оно мало действительно, если каешься лишь бы проговорить о грехах, а жить по-старому» (Прп. Иосиф Оптинский, 1837-1911).

«Невозможно, чтобы огонь горел в воде, невозможно и покаяние без поста» (Свт. Иоанн Златоуст, IV-V вв.).

«Кто оправдывает себя, тот отчуждает себя от покаяния».

Новости Православия

03.04.2014. 150 лет исполнилось со дня первого православного богослужения в Монголии.

3 апреля (по новому стилю) 1864 года в небольшой православной церкви в честь Святой Троицы, непосредственно примыкающей к зданию русского консульства в Урге (старое название Улан-Батора), забайкальским священником Иоанном Никольским была отслужена первая Божественная литургия. Этот день считается днем рождения Свято-Троицкого прихода Русской Православной Церкви в Монголии.

06.04.2014. На Северном полюсе установлен поклонный крест. 6 апреля 2014 года группа членов Ассоциации Героев Советского Союза и Героев Российской Федерации, полярников, государственных и общественных деятелей посетила Северный полюс, сообщает Патриархия.ru. В поездке приняли участие епископ Нарьян-Марский и Мезенский Иаков и председатель Отдела Московского Патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин. На Северном полюсе был установлен поклонный крест.

06.04.2014. Для глухих будет создан унифицированный богослужебный язык. Председатель Синодального отдела по благотворительности епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон и президент Всероссийского общества глухих В. Рухледев подписали соглашение о сотрудничестве для объединения усилий в социальном служении и в организации миссионерской работы с глухими и слабослышащими людьми, сообщает «Российская Газета».

06.04.2014. В Нью-Йорке мусульманам разрешили переделять костел в мечеть. Городской совет Нью-Йорка разрешил убрать шесть крестов с крыш и шпиля бывшей католической церкви, чтобы она могла использоваться в качестве мечети, сообщает «Интерфакс-Религия». Против сноса крестов выступило более 200 верующих. Они подписали онлайн-петицию, в которой говорилось, что бывший костел Святой Троицы, построенный 100 лет назад немецкими переселенцами, является достопримечательностью города и памятником архитектуры. Однако глава совета заявил, что орган не вправе вмешиваться в вопросы, которые затрагивают свободу вероисповедания.

«Страна чудес»
и другие рассказы
протоиерея Андрея Ткачева

Продолжение

Город, которого нет

Скоростные поезда нынче соперничают с самолетами. В таком поезде нельзя смотреть в окно – глаза заболят. Дома, столбы и деревья не проплывают мимо, а мчатся, сливаясь в сплошную пеструю массу. Нужно читать или, что еще лучше, дремать, откинувшись в кресле.

Я полулежал в кресле у окна с закрытыми глазами, но сон не приходил ко мне. Вместо него, калейдоскопом сменяя друг друга, приходили, как грезы, воспоминания детства. Я уехал из дому безусым мальчишкой, уехал не зная куда, чтобы учиться и работать, чтобы стать, как говорили взрослые, человеком. И вот спустя много лет, став человеком и попутно набрав лишний вес, страдая одышкой, уже не безусый, но с усами и с гладко выбритыми щеками, я ехал в город своего детства. Ехал на несколько кратких часов, которые выкроил из программы скучнейшей научной конференции, в которой принимал участие. В этом городе меня не ждал никто. Родители давно умерли, и могилы их были далеко отсюда. Даже дом наш, по слухам, был разрушен в последнюю большую войну. Но когда ученое сообщество прислало мне приглашение на конференцию и место проведения конференции оказалось всего в сотне километров от моей малой родины, я не раздумывал ни секунды. И вот теперь поезд нес меня навстречу городу, которого больше не было, который сохранился только в моей памяти и в самой глубине сердца, где продолжает жить не желающий взрослеть ребенок.

В моем детстве было все то же самое, что было в детстве моих сверстников. Мы одевались плохо, почти в лохмотья, но не замечали этого, поскольку никто вокруг не одевался лучше. Наше детство было голодным. Иногда один помидор или горсть вишен были нашей дневной пищей. Мы всегда хотели есть, но никогда не переставали шутить и смеяться. У всех родители были бедны и брались за любую работу, лишь бы в доме вечером был затоплен очаг и появилась горячая пища. Все это сегодня кажется очень далеким, почти фантастическим. Я словно видел это в кино, а не пережил лично. Поэтому я не ворчу на молодежь, не понимающую, что такое пустой желудок и тяжелый труд. Какой смысл ворчать на них, если мы сами, пережившие это, стали разборчивы в пище, разленились и привыкли к комфорту.

У меня было всего лишь два часа между прибытием и отправлением обратно. Для нашего городка это не так и мало. Хотя уже первый взгляд на здание вокзала говорил о том, что изменилось в городе моего детства гораздо больше, чем я думал. Он стал безликим, мой город, он потерял лицо. Исколесив половину мира, я много раз замечал эту черту: города стремятся стать похожими друг на друга точно так же, как раньше нам было стыдно не курить в кругу товарищей и мы перенимали за компанию плохие привычки. Здесь, на вокзальной площади, появился китайский ресторан, а рядом с ним красовалась пиццерия. В окне галантерейного магазина на витрине стояло мыло тех же сортов, что и в любом другом городе. Сигареты, напитки, надписи на футболках и мелодии из транзисторов в cabinaх такси здесь были такими же, как везде.

Но неужели я думал, что будет иначе? Нет. Умом я понимал, что иначе быть не может и не должно. Но сердце ощутило неприятный укол. Еще бы! Ведь я приехал не просто в один из городков Европы, а в город грез и детских сновидений, в город первой влюбленности и первых слез.

Мы жили недалеко от вокзала. В нашем городке во-

обще все было недалеко. Несколько раз в день мы обегали его кругом, вдоль и поперек, успевая побывать и на пустыре, и у дальних воинских казарм, и еще Бог знает где. Возможно, с тех пор я приучился не столько ходить, сколько нестись, спешить куда-то. Этот навык сильно мешает мне теперь, когда молодость осталась на фотографиях, а рубашка на спине взмокает через пять минут ходьбы и колотится сердце. Но иначе ходить я не умею, и уже через десять (не пять, а десять) минут, шумно дыша и вытирая со лба пот платком, я очутился на месте нашего дома.

Пресвятая Богородица! Здесь был наш дом. Теперь вместо нашего желтого облезлого двухэтажного домика, на первом этаже которого жили мы, а на втором – офицерская вдова, стоял новый шестизэтажный дом. Его стены впитали в себя тепло наших тел и наши голоса, но никто из живущих здесь об этом не думал. Мне захотелось присесть, чтобы, никуда не торопясь, отдаться воспоминаниям, воскресить в памяти картинку детства. Присесть было некуда. Тогда я представил себе, что мне не шестьдесят один год, а восемь или девять, что солнце давно взошло и мать кричит, чтобы я вставал с постели. Она всегда кричала на меня, хотя готова была в любое время отдать за меня всю кровь по капле.

– Георгий! Сколько можно спать! Всю жизнь проспишь. Вставай, лентяй, ты мне нужен.

Отец сидел в углу и занимался работой. Он был сапожник, хотя окончил музыкальное училище. Но в нашем городке каждый второй умел петь и играть на каком-нибудь инструменте, и музыкой было не зарабатывать. Ему повезло вчера. Сделанные им ботинки купили, и, значит, сегодня мы будем есть вкуснее обычного.

– Пресвятая Богородица! Этот лентяй еще в кровати. Георгий! Одевайся и беги за продуктами. Купи овощей, сметаны и можешь купить себе чего-нибудь сладкого. Наш папа заработал немного денег.

Последние слова мама произнесла тише, с нежностью взглянув на отца.

Я оделся в считанные секунды. Еще немного – и солнечный свет залил мне глаза, и, зажмурившись, я остановился за порогом.

Полстолетия прошло с тех пор, но я помню тот день в деталях. Я подошел к тому месту, где, кажется, был наш порог, и пошел старым маршрутом от лавочки к лавочке, воскрешая себя десятилетнего, покупая для семьи продукты.

Вот здесь была лавка дяди Харлампия. Каждый раз, когда видел меня, он трепал меня по щеке своей большой и шершавой ладонью и говорил: – Георгий, ты стал совсем большой. Да спасет тебя Пресвятая Богородица. – В нашем городе все очень любили Пресвятую Богородицу, и Ее имя не сходило с уст моих земляков. – Как родители? Как школа?

Я немножко стеснялся, даже краснел, говорил, что все в порядке. Затем покупал горох, сельдерей, лук и обязательно немножко чеснока. Мой отец так любил, чтобы в еду добавляли чеснок. Наши соседи даже смеялись над ним по этой причине. Они говорили маме:

– Мария, если бы наши мужья ели столько чеснока, сколько твой Стефан, у нас не было бы детей. Мы бы их просто не подпускали к себе. – И ха-ха-ха.

Но мама не обижалась и клала в еду столько чеснока, сколько просил отец.

– Мужа нужно уважать, – говорила она. – Если бы у нас была дочка, я научила бы ее всему, что нужно в браке. – Но дочки у мамы не было. Я был один.

После лавки дяди Харлампия была лавка дяди Костаса. Вернее, не лавка, а пекарня. Оттуда всегда пахло свежим хлебом, и сам дядя Костас пах хлебом. Мы, голодные мальчишки, вечно крутились возле его лавки, втягивая носом пахучий воздух, а он, хоть и ворчал на нас, время от времени выносил нам небольшие булочки по одной на двоих. В тот день Костас попросил меня помочь ему разложить свежий хлеб на прилавке. Он дал мне большие белые рукавицы, и вместе мы сдела-

ли эту работу быстро. В награду он дал мне в подарок целый хлеб, и это значило, что несколько монет оставались сэкономленными. Пресвятая Богородице! Слава Твоему Сыну! Я могу теперь купить не один, а два или даже три кусочка рахат-лукума. Мои ноги уже было повернули в сторону кондитерской, но тут я подумал, что хорошо бы купить что-то маме или отцу.

Здесь память подвела меня. Что же я купил тогда? Может, папиросы для папы? А может, гребешок для мамы? Не помню. С этими мыслями я обернулся в сторону лавки дяди Костаса и с удивлением увидел себя. На месте целого квартала, где стояли лавочки и магазины, теперь стоял супермаркет. Возле его стеклянной стены я стоял и смотрел на свое отражение. Можно было войти в магазин и купить все сразу – хлеб, зелень, табак, сладости. Но никто не спросит уже у тебя: «Как дела, Георгий?» Никто не взъерошит твои волосы, никто не скажет: «Да спасет тебя Пресвятая Богородица!»

Скоростные поезда нынче соперничают с самолетами. Один из таких поездов уносил меня прочь от города, которого больше нет. Этот город теперь не зависит ни от карты, ни от войны, ни от политических изменений. Он живет у меня в сердце, и в нем живут те, с кем я ходил в школу, разговаривал, пел, шутил и дрался. Там живут отец и мать, соседка с верхнего этажа и добрые лавочники. Я закрываю глаза и вижу их лица.

Да спасет их всех Пресвятая Богородица!

Старушка

Старушка, что называется, зажила. До последнего у себя в селе вставала с петухами, возилась по дому и возле дома и только с наступлением холодов позволяла внукам забрать себя на зиму в город. К концу поста городская квартира уже мучила ее, хотелось на воздух, к земле, к своей хатке, которую перед Пасхой нужно было и проветрить, и убрать, и украсить. Но этой весной домой ее не отвезли. Ослабла бабушка. Ослабла вдруг сразу, как будто сила ушла из нее так, как уходит воздух из развязанного надувного шарика. Сначала она вставала и ходила по квартире, в основном до туалета и обратно. Затем и этот путь стал для нее непосильным. Маленькая и тихая, как больный ребенок, она лежала в отведенной для нее комнате. Внуки вставали рано и, попив чаю, уносились на работу и по делам. Правнук уходил в школу. Поэтому для бабушки наняли сиделку, и та ухаживала за бабушкой. В ее комнате было чисто и тепло. Ела она мало, меньше младенца, и ежедневным занятием ее было смотреть в окно напротив и читать по памяти молитвы.

Такой я и увидел ее, высохшей, с заострившимися чертами лица, лежащей на спине и смотрящей прямо перед собой. Меня пригласили причастить ее. Зная по опыту, что люди часто зовут священника к больному, когда тот уже ни есть, ни говорить не может, то есть не может ни исповедаться, ни причаститься, я спросил перед приходом, может ли она исповедоваться.

– Она у нас очень набожная и сейчас только и делает, что молится, – отвечала внучка.

В условленный день меня забрали из церкви и привезли к бабушке. По моей просьбе столик возле кровати застелили, поставили зажженную свечу и стакан, в котором на доньшке была теплая вода запить причастие. Затем внучка с мужем и сиделкой вышли, и мы остались вдвоем.

– Вы слышите меня, бабушка? – спросил я. В ответ она кивнула и губами сказала: – Чую.

Теперь нужно было задавать вопросы, спрашивать о грехах, обо всем том море всевозможных ошибок, которые сознательно и несознательно совершаются людьми и которые, как цепи на рабах, висят на людских душах. Я задал один вопрос, другой... Старушка ничего не ответила. Она продолжала смотреть прямо перед собой, только руки сложила ладонями вместе так, как их складывают на Западе, когда молятся.

Продолжение следует

Примеч

Ничего такого, что было бы неправдой

Однажды слепой человек сидел на ступеньках одного здания со шляпой возле его ног и табличкой «Я слепой, пожалуйте!»

Один человек проходил мимо и остановился. Он увидел инвалида, у которого было всего лишь несколько монет в шляпе. Он бросил ему пару монет и без его разрешения написал новые слова на табличке. Он оставил ее слепому человеку и ушел.

Днем он вернулся и увидел, что шляпа полна монет и денег. Слепой узнал его по шагам и спросил, не он ли был тот человек, что переписал табличку. Он также хотел узнать, что именно он написал.

Тот ответил: «Ничего такого, что было бы неправдой. Я просто написал ее немного по-другому». Он улыбнулся и ушел.

Новая надпись на табличке была такая: «Сейчас весна, но я не могу ее увидеть».

Воскресные и праздничные проповеди настоятеля церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь архимандрита Василия (Карпова) доступны для прослушивания и скачивания на сайте храма

<http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Православный календарь

13 апр., вс. – Неделя 6-я вайй (цветоносная, Вербное воскресенье). ВХОД ГОСПОДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМ. Сщмч. Ипатия, еп. Гангрского (ок. 326). Свт. Ионы, митр. Московского и всея России, чудотворца (1461). Свт. Иннокентия, митр. Московского (1879).

14 апр., пн. – Великий Понедельник. Прп. Марии Египетской (522). Прп. Евфимия, архим. Суздальского, чудотворца (1404). Прп. Варсонофия Оптинского (1913).

15 апр., вт. – Великий Вторник. Прп. Тита чудотворца (IX). Мчч. Амфиана и Едесия (306). Мч. Поликарпа (IV). Собор Архангела Гавриила. Сщмч. Иринаея, еп. Сремского (304). Мчч. Вафусия и Верка пресвитеров, Арпилы монаха и с ними многих (ок. 375).

16 апр., ср. – Великая Среда. Прп. Никиты исп., игумена обители Мидийской (824). Мц. Феодосии девы (307-308). Мчч. Елпидифора, Дия, Вифония и Галика. Прп. Иллирика.

17 апр., чт. – Великий Четверток. Воспоминание Тайной Вечери. Прп. Иосифа песнопisca (883). Прп. Георгия, иже в Малей (IX). Мщч. Фервуфы девы, сестры и рабыни ее (341-343). Прп. Зосимы Палестинского (ок. 560). Прп. Иосифа многоболезненного, Печерского.

18 апр., пт. – Великая Пятница. Воспоминание Святых спасительных Страстей Господа нашего Иисуса Христа. Перенесение мощей свт. Иова, патриарха Московского и всея Руси. Мчч. Агафопода диакона, Феодула чтеца и иже с ними (ок. 303).

19 апр., сб. – Великая Суббота. Свт. Евтихия, архиеп. Константинопольского (582). Свт. Мефодия, архиеп. Моравского (885). Мчч. 120-ти Персидских (344-347).

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97. ул. Манойлова, 57. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!